

В.А. Маклаков

**Власть и общественность на
закате старой России**

Том 1. Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Маклаков**
Власть и общественность на закате старой России: Том 1. Часть 2 / В.А. Маклаков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 121 с.

ISBN 978-5-458-54393-4

Один из лидеров партии кадетов, В.А.Маклаков соединил свои личные воспоминания с анализом политических процессов, происходивших в России в конце 19 - начале 20 века, с точки зрения их участника. Выпукло, образно показано зарождение гражданского общества в России, победы и неудачи в самовоспитании общества.

ISBN 978-5-458-54393-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

торой приходилось обслуживать все, а не только то, что они *выбирали*. И въ преимуществахъ общественныхъ учрежденій видѣли преимущество самой «общественности» надъ правительствомъ. Всѣ старанія власти и ревниво от- носившейся къ этому Императрицы объяснять, что все это сдѣлано на средства казны, опубликовывать точныя цифры— не встрѣчали въ войскахъ никакого довѣрія. *Отношенія* перемѣнились.

Если голодъ 91 г. былъ началомъ оживленія общества, которое не уничтожилось сразу только потому, что его потомъ запретили, если немедленно за голодомъ и не безъ причинной съ нимъ связи возникла идейная полемика марксизма и народничества, въ которой неразумное правительство поощряло своихъ болѣе опасныхъ враговъ, то настоящій и рѣзкій переломъ въ настроеніи совпалъ съ *перемѣной царствованія*. Въ Россіи было традиціей, что перемѣна политики совпадала со смѣной ея Самодержцевъ. Все давало основаніе ждать такой перемѣны при воцареніи Николая II. Онъ вступилъ на престолъ въ благоприятныхъ условіяхъ. Ему не пришлось перешагнуть, какъ Александръ III, черезъ окровавленное тѣло отца. Общество казалось спокойнымъ; кончина Александра III сопровождалась проявленіемъ скорби, котораго не вызвалъ даже трагическій конецъ Александра II. Самодержавію никто не оспаривалъ. Ультиматума, въ родѣ письма Исполнительнаго Комитета никто не предъявлялъ Государю. Возвращеніе къ нормальнымъ условіямъ жизни не могло показаться оказательствомъ слабости. Было естественно ждать поворота.

И его ждали. Жадно ловили малѣйшій намекъ на него. Надѣялись на молодость Государя, которая должна была его сдѣлать болѣе доступнымъ человѣческимъ чувствамъ. Въ день своей свадьбы онъ распорядился удалить полицію, охранявшую «молодыхъ». А. А. Похоровщиковъ въ своей газетѣ на основаніи этого немедленно объявилъ этотъ день, 14 ноября, концомъ «средостѣнія». Рассказывали съ

восторгомъ, будто новый Государь тяготился «охраной» и вывзжалъ гулять безъ предупрежденія: будто въ Варшавѣ онъ говорилъ по-французски, «чтобы не задѣтъ поляковъ»; надѣялись на «либерализмъ» молодой Императрицы. Эти слухи показывали, какой кредитъ *ему* тогда дѣлали. Но если всѣ надѣялись на *перемѣну* политики, то никто не требовалъ, чтобы она началась съ уничтоженія «Самодержавія». Никто не ставилъ этого *непреклоннымъ* условіемъ. Не потому, чтобы боялись сказать; общество въ тотъ моментъ этого и не добивалось.

Помню банкетъ въ Москвѣ въ честь тридцатилѣтія судебныхъ уставовъ (20 ноября 1894 г.) первое публичное собраніе послѣ кончины покойнаго Императора. На него собралось все либеральное общество. Все было полно радужныхъ слуховъ. Незадолго до этого «Русскія Вѣдомости» напечатали передовицу, въ которой восхваляли отмѣтки, сдѣланныя новымъ Государемъ на докладѣ по народному просвѣщенію. Похвала Государю была не въ стилѣ «Русскихъ Вѣдомостей». Но и они усмотрѣли въ высочайшихъ отмѣткахъ наступленіе «новой политики». Вполголоса сообщали, будто сановники догадались, что наступило время крутыхъ измѣненій и забѣгали впередъ; что Государственный Совѣтъ подалъ Государю меморію о необходимости отмѣнить для крестьянъ тѣлесное наказаніе. Поэтому рѣчи на банкетѣ были полны оптимизма. Когда присяжный повѣренный Н. В. Басвинъ сказалъ нѣсколько словъ о перспективахъ, которыя теперь открылись для просвѣщенія, всталъ старый М. П. Щейкинъ: «Учить, сказалъ онъ, и въ то-же самое время сѣчь — немислимо; если въ Россіи будутъ учить и послѣ все-таки сѣчь, я скажу, что у насъ народъ учать только затѣмъ, чтобы онъ больнѣе чувствовалъ свое униженіе. И я вѣрю, что скоро раздастся мощное слово нашего молодого Государя, который положитъ конецъ этому стыду»;

Старый либераль, ученикъ и поклонникъ Грановскаго, пострадавшій за то, что въ свое время написалъ о Герцегѣ

некрологъ, Щепкинъ въ *такихъ* выраженіяхъ говорилъ о Самодержцѣ. И это никого не оскорбляло; это было общимъ явленіемъ этого «сладкаго мита» нашей новой исторіи. Какъ далеко это было отъ ультиматума народовольцевъ 81 года!

Иллюзіи о Николаѣ II раздѣлялись даже въ томъ Тверскомъ земскомъ адресѣ, который вызвалъ знаменитый окрикъ Государя и облилъ холодной водой либеральныя упованія. Объ этомъ адресѣ разсказалъ его составитель Ф. И. Родичевъ («Современныя Записки», № 53). Въ немъ не было ни единого намека на *конституцію*. Онъ заканчивался фразой: «Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ ихъ касающимся, дабы до высотъ престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только представителей администраціи, но и народа русскаго... Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій, равно предавшихъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха въ исполненіи великодушныхъ предначертаній Вашего Императорскаго Величества.»

Позднѣйшій либерализмъ былъ склоненъ настаивать на неизмѣнности своей политической линіи. А. А. Кизиветтеръ въ книгѣ «На рубежѣ двухъ столѣтій» оспариваетъ мнѣніе Богучарова объ отсутствіи конституціонныхъ требованій въ земскихъ собраніяхъ и утверждаетъ, будто Ф. И. Родичевъ сказалъ рѣчь, въ которой совершенно ясно указывалъ на необходимость конституціонныхъ гарантій. Эту легенду теперь разрушилъ самъ Родичевъ, напечатавъ въ № 53 Современныхъ Записокъ свою тогдашнюю рѣчь. Она приводитъ къ обратному выводу. Вотъ, что Родичевъ тогда говорилъ: «законъ, ясное выраженіе *мысли* и *воли* *Монарха* пусть господствуетъ среди насъ и пусть подчиняются ему всѣ безъ исключенія и больше всего представители власти». Здѣсь нѣтъ намековъ на конституцію; законъ опредѣляется, какъ мысль и воля Монарха. Родичевъ надѣется только,

что «голосъ народныхъ потребностей, выраженіе народной мысли всегда будутъ услышаны Государемъ всегда свободно и непосредственно, по праву и безъ препятствій». Если это намекъ, то только на совѣщательное представительство при Самодержцѣ. Самодержавіе остается неизблемымъ: народу мнѣніе, воля Государю. Родичевъ могъ въ душѣ думать иное, но иного онъ *не* сказалъ, и свою рѣчь онъ кончилъ словами: «Господа, въ настоящую минуту наши надежды, наша вѣра въ будущее, наши стремленія всѣ обращены къ Николаю II. Николаю II наше ура»!

Можно судить о настроеніи средняго общества, когда такимъ языкомъ говорилъ даже *самъ Родичевъ*; были вѣроятно люди иныхъ настроеній, скептики язвительно смѣявшіеся надъ надеждами либераловъ. Общество было не съ ними. Оно заразило самого Родичева, ибо иначе онъ такимъ языкомъ говорить бы не сталъ. Кто зналъ Родичева, согласится, что такія слова о Государѣ онъ не могъ бы сказать изъ одной только «тактики».

Черезъ немного лѣтъ все стало инымъ; но неправильно смотрѣть на прошлое черезъ эти очки. Нужно признать: отъ Николая II ждали *не конституціи*; ждали только прекращенія реакціи, возобновленія линіи шестидесятыхъ годовъ, возвращенія къ либеральной программѣ. Даже тѣ, кто хотѣлъ конституціи, смотрѣли на нее только какъ на «увѣщаніе зданія», которое будетъ позднѣе сдѣлано самимъ Самодержцемъ. Максимальнымъ желаніемъ того времени было предоставленіе мѣста народному голосу. Славянофилы и конституціоналисты на этомъ сходились. Какъ бы ни были различны ихъ представленія о томъ, что выйдетъ изъ этого «голоса», въ этомъ они сближались противъ полицейскаго Самодержавія.

Если бы новый Самодержецъ оказался способнымъ опереться на такое мирное настроеніе общества, какъ Александръ II вопреки своихъ личныхъ симпатій сумѣлъ въ 50-хъ годахъ опереться на либеральное меньшинство, то

13-лѣтняя реакція Александра III была бы оправдана. Самодержавіе исполнило бы свой долгъ до конца. Оно позднѣе само привело бы Россію къ конституціи и старая династія дала бы Россіи конституціонныхъ монарховъ. Но Самодержецъ на это не оказался способнымъ. 17 января на приѣмѣ въ Зимнемъ Дворцѣ онъ сказалъ свою фразу о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ земствъ объ участіи ихъ въ дѣлахъ внутренняго управленія». Эта несчастная фраза опредѣлила характеръ его дальнѣйшаго царствованія.

Если бы она ударила только по «конституціоннымъ мечтаніямъ», то ее можно было бы если не оправдать, то хотя бы понять. Такъ, какъ я выше рассказывалъ, отнеслись къ ней у Любеньковыхъ. Къ несчастью она шла гораздо дальше простого подтвержденія «Самодержавія». Этотъ ея истинный смыслъ не прошелъ незамѣченнымъ. Черезъ три дня послѣ рѣчи сталъ уже распространяться отвѣтъ на нее, написанный, какъ теперь стало извѣстно, П. Б. Струве. Въ немъ еще не было отрицанія «Самодержавія». А въ «Современныхъ Запискахъ» Родичевъ вспоминаетъ и свою статью, которую онъ тогда за-границею напечаталъ, и которую черезъ 36 лѣтъ нашелъ въ Лозаннѣ. Мнѣ пришлось видѣть эту статью. Въ ней тѣ-же самыя мысли; о *конституціи не говорится*. Легенда о томъ, будто земцы въ то время заговорили о конституціи, могла создаться лишь потому, что того адреса, на который отвѣчалъ Государь, опубликовано не было. Теперь мы его знаемъ, и потому видимъ, что и Струве, и Родичевъ, да и широкое общественное мнѣніе имѣли право увидѣть въ рѣчи Государя другое. Ея содержаніе было гораздо зловѣщѣе, чѣмъ отрицаніе конституціи. «Безсмысленными мечтаніями» Государь назвалъ не конституцію, но претензію земствъ на «участіе въ дѣлахъ внутренняго управленія». Но это участіе уже осуществлялось ла дѣлѣ, было сущностью земскихъ учреждений. Пока земства существовали, это было реальностью, а совсѣмъ не «мечтаніемъ». Николаю II предстоялъ выборъ не между Самодержавіемъ и конституціей, а

между либеральнымъ Самодержавіемъ эпохи Великихъ Реформъ и Самодержавіемъ эпохи реакціи. Онъ выбралъ второе. Курсъ Александра III, простительный какъ передышка, былъ объявленъ *точной программой Самодержавія*.

Поэтому и ударъ былъ нанесенъ этими словами не «конституціи», а самому Самодержавію. «Безсмысленными мечтателями» оказались тѣ, кто думали, что Самодержавіе *способно* продолжать эпоху либеральныхъ преобразованій въ Россіи. Самодержавіе собиралось только себя защищать и это въ то время, когда на него никто же не нападалъ и когда общія надежды именно на него волагались.

Этой рѣчью кончился краткій періодъ *надеждъ* на нового Государя. Съ той же жадностью, съ которой сначала искали симптомовъ переменъ политики въ предстоящемъ царствованіи, теперь стали искать предназначеной неудачъ и несчастій; этому помогли Ходынка, буря на Нижегородской ярмаркѣ во время появленія Государя и другія суевѣрія такого же типа.

Перемена отношеній общества къ Государю постепенно подготавливала идеологию будущаго Освободительнаго Движенія. Крикъ Николая II не могъ остановить идейнаго оживленія общества; тѣмъ болѣе, что модное его выраженіе — марксизмъ — никакихъ надеждъ съ личностью новала Государя не связывало. Еще менѣе возвѣщенная Государемъ программа способна была устранить противорѣчіе между проблемами, которыя властно становились передъ государственной властью и той узкой задачей, которую она сама себя ставила—т. е. *защищать Самодержавіе*. Политика Николая II продолжала быть агрессивной; но такъ какъ открытыхъ враговъ Самодержавія онъ передъ собой не видалъ, то ударялъ по легальнымъ и лояльнымъ людямъ и учрежденіямъ. Мелкіе, ненужные уколы въ родѣ закрытія общества Грамотности или Московскаго Юридическаго Общества чередовались съ безумными походами на Финляндію или армянь.

Если кто-нибудь страдалъ отъ такого новаго курса, то это только *идеалисты Самодержавія*, поклонники Великихъ Реформъ. Общественная мысль получала предметное обученіе. Въ эпоху 80-хъ годовъ только отдѣльныя единицы съ проникательностью заклѣтыхъ враговъ догадывались, что реформы 60-хъ годовъ, либерализмъ и Самодержавіе несовмѣстимы. Широкое общество эту несовмѣстимость искренно отрицало. *Ее* еще можно было увидѣть въ Совѣщательномъ «представительствѣ»; но чѣмъ могли мѣшать Самодержавію судъ присяжныхъ или земскія учрежденія? Казалось, что на этомъ могло настаивать только реакціонное изувѣрство Побѣдоносцева или Каткова. Но при Николаѣ II это опасное ученіе о несовмѣстимости стало официальнымъ мнѣніемъ власти. Государь сказалъ это въ своей рѣчи въ Зимнемъ Дворцѣ. Министръ Юстиціи Н. В. Муравьевъ въ вступительномъ словѣ о реформѣ Суда нашелъ его *независимостью* несовмѣстимой съ Самодержавіемъ. Всемогущій Министръ Финансовъ С. Ю. Витте въ запискѣ о Сѣверо-Западномъ земствѣ написалъ то-же про *земство*. *Вся идеологія Великихъ Реформъ* оказывалась принципиально съ Самодержавіемъ несовмѣстимой.

Понятно, какой выводъ изъ этого сдѣлало широкое общество. *Прежде* либеральные дѣятели, отстаивая реформы 60-хъ годовъ отъ ихъ ненавистниковъ, оберегая ихъ принципы отъ искаженія, вѣрили, что этимъ они служатъ *эволюціи* нашего строя; что въ результатѣ оны дойдеть и до «увѣнчанія зданія». При Николаѣ II мысль объ «эволюціи Самодержавія» стала считаться такой же утопіей, какой для многихъ является сейчасъ эволюція большевиизма. Совѣтскій строй, говорятъ теперь, надо уничтожить, его нельзя исправлять; такъ либеральное общество стало смотрѣть и на Самодержавіе. Такая ультимативная постановка вопроса стала овладѣвать общественнымъ мнѣніемъ; ее понимали съ полслова. А «если нѣтъ — то нѣтъ», писалъ П. Н. Миллюковъ, въ сборникѣ о «самоуправленіи» и всѣ отлично по-

нижали, на что онъ намекаетъ. Такъ создавалась новая идеологія либерализма, объявившая скоро непримиримую войну Самодержавію.

Передъ войной идетъ работа по мобилизаціи силъ. Это можно было наблюдать и въ Россіи. Въ 1898 году организовалась социаль-демократическая рабочая партія. Около 1903 года партія социалистовъ-революціонеровъ. Революціонныя партіи подъ разными названіями не были новостью. Но организованной *либеральной* партіи Россія до тѣхъ поръ не видала. Теперь и она появилась. Созданіе «Союза Освобожденія» съ своимъ органомъ «Освобожденіемъ» заграницей было самымъ яркимъ, новымъ и символическимъ явленіемъ этого времени.

Такъ началось «Освободительное Движеніе» въ кавычкахъ, т.-е. та организованная работа общественныхъ силъ, которая наполнила первые годы XX вѣка и привела къ 17 октября 1905 г. Освободительное движеніе въ широкомъ смыслѣ, т.-е. борьба за начала либерализма, за свободу личности, законность, самоуправленіе существовала давно и никогда не исчезала. Въ шестидесятыхъ годахъ она вдохновляла даже самую Самодержавную власть. Но при Николаѣ II эта борьба измѣнила характеръ. Она сосредоточилась исключительно и всецѣло на низверженіи *Самодержавія*; сдѣлалась открытой войной противъ *него*. И именно эта война скоро захватила все общество.

Прежнее мирное и терпѣливое настроеніе измѣнилось; общество выбросило, какъ опасную иллюзію, мысль, будто развитіе учреждений, созданныхъ въ шестидесятыхъ годахъ, само ведетъ къ конституціи. Эта вѣра прежняго либерализма была отброшена съ тою же легкостью, съ какой теперь отбрасываютъ мысль объ эволюціи совѣтскаго строя. Пока существуетъ совѣтская власть, не можетъ быть никакого прогресса въ Россіи, — учать *теперь*; пока не низвержено Самодержавіе, не могутъ развиваться либеральныя формы Александра II, говорили *тогда*; нужно забыть всѣ

разногласія, устремить всѣ силы на главный фронтъ, на борьбу съ Самодержавіемъ. Но отрицать эволюцію значило отвергать мирный путь, звать къ экстраординарнымъ методамъ борьбы возможнымъ лишь накороткѣ, но зато достигающимъ болѣе полного и скорого результата. Таковы всегда «войны» и «революціи»; они аналогичныя по приемамъ явленія. На это поплыли. Методы дѣйствій, которые стало примѣнять Освободительное Движеніе, были методами настоящей войны. Война ведетъ къ быстрой развязкѣ. Она и увѣнчалась скорою побѣдою уже 17 октября 1905 г. Но быстрота и успѣхъ безнаказанно не проходятъ. Война часто воюющія стороны развращаетъ и надолго мѣшаетъ установленію прочнаго мира. Мы можемъ наблюдать на Россіи, какой цѣной мы заплатили за нашъ слишкомъ быстрый успѣхъ.

Глава VI.

«ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ».

Аналогія «Освободительнаго Движенія» съ войной идетъ очень глубоко. Къ войнѣ позволительно прибѣгать только когда другого выхода нѣтъ. Она ведется единственно ради хорошаго мира. Но пока она длится, въ жертву ей приносится все. У военныхъ особая идеологія, съ которой во время войны сообразуется вся жизнь государства. Идеологія штатскихъ мѣшаетъ военной побѣдѣ, какъ идеологія военныхъ мѣшаетъ заключенію мира. Большинство населенія не хочетъ войны; она противорѣчитъ его интересамъ и складу понятій. Войну предпочитаютъ лишь профессиональные военные и особенно ихъ руководители; страна имъ подчиняется, какъ подчиняется вообще распоряженіямъ власти. И потому при войнѣ необходимо «руководство» всей жизнью страны.

Побѣдоносная война можетъ много дать побѣдителю, если разумный миръ заключить онъ сумѣетъ. Для подобнаго

мира не нужно, какъ можно больше ослабить противника: это полезно для успѣха войны, а не для качества мира. Миръ хорошъ не тогда, когда противникъ *ослабленъ*, а когда устранены причины для споровъ.

При заключеніи мира часто оказывается, что воевать не было надобности, что тѣ-же результаты могли быть достигнуты мирнымъ путемъ, болѣе долгимъ, но зато болѣе прочнымъ. Война объясняется тогда не необходимостью, а простой психологіей; упорствомъ тѣхъ, кто не хотѣлъ во время сдѣлать уступокъ или нетерпѣливостью тѣхъ, кто не хотѣлъ ихъ дожидаться.

«Освободительное Движеніе» было войной и всѣ эти черты можно на немъ наблюдать. И эта война должна была кончиться примиреніемъ между обществомъ и исторической властью. И она не была необходима. Самодержавіе было обречено; оно могло выигрывать время, но спасти себя не могло. Обществу было достаточно жить и расти, чтобы получить все, что ему было нужно въ томъ числѣ и «увѣнчаніе аданія». Но у руководителей общества не хватило терпѣнія. Они предпочли покончить съ Самодержавіемъ короткимъ ударомъ — войной. Эту войну они провели очень умѣло и вышли изъ нея побѣдителями. Но за то хорошаго мира заключить не сумѣли.

Пока длилась война руководителями ея естественно стали тѣ, кто «войну» предпочиталъ мирной работѣ. Либеральные дѣятели старой формации войны не хотѣли и добились своихъ цѣлей мирнымъ путемъ. Они служили своимъ идеямъ въ рамкахъ существовавшаго строя и этимъ готовили новый порядокъ. Мировой судья, который защищалъ въ своей камерѣ законъ и права человека, работалъ на «увѣнчаніе аданія» не меньше, чѣмъ тѣ, кто въ подпольной прессѣ «требовалъ» конституціи. Но надъ такимъ самовмѣніемъ «освободительное движеніе» стало смѣяться, какъ всегда смѣются военные надъ дипломатами.

Прежній либерализмъ вѣрилъ, что къ конституціи окъ-